

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ

О. Г. Карпович

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США И АНГЛОСАКСОНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты исследования практики применения технологий управления международными конфликтами в миротворческой деятельности и антитеррористических операциях США и НАТО. Выявлены основные особенности этой практики, отличающие индивидуальный почерк миротворчества США и НАТО от представителей других цивилизаций и культурных традиций.

Ключевые слова: психология, национальная безопасность, международные отношения, противостояние, обороноспособность, внешняя политика, международные конфликты, управление конфликтами, информационные технологии, миротворческие операции.

Сегодня технологии информационно-психологического воздействия на сознание населения активно используются США как системообразующий, рамочный фактор их военных операций (например, как фактор, определяющий пиар-формат боевых действий в Ираке) и миротворческой деятельности, а НАТО – как основной инструмент принятой ими на вооружение концепции «управления кризисами». При этом далеко не всегда применяемые США и его союзниками по НАТО психологические технологии способствуют урегулированию международных конфликтов, особенно, если быстрое урегулирование конфликтов не совсем соответствует их прямым политическим интересам. Под влиянием англосаксонских внешнеполитических доктрин и собственной трактовки Вашингтоном процесса управления конфликтами в международных отношениях, в современных миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Американская правительственная организация NIC (National Intelligence Council) и Институт Национальных Стратегических Исследований (the Institute for National Strategic Studies, INSS) США, совместно с Национальным Военным Университетом (National Defense University), представили аналитический отчет, в котором дали описание политической картины мира к 2015 году, спрогнозировали ключевые мировые тенденции и их влияние на основные регионы и страны планеты¹.

В отчете указывается, что до 2015 года новые нормы международного поведения будут развиваться через опыт новых кризисов, подобно событиям в Руанде и Боснии. В свою очередь, они вызовут дебаты о легитимности, необходимости и сути иностранных (вооруженных) интервенций. Все больше и больше проблем, возникающих перед политиками в сфере национальной безопасности, будут диктоваться пятью вопросами: вмешиваться ли, когда, куда, с какими силами и каков будет итог. Важно отметить, что все указанные тезисы представлены в разделе, который называется «появление новой концепции

¹ GLOBAL TRENDS 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts (http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2015.html)

миропорядка». Один из главных вопросов для США, по мнению американских экспертов, заключается в том, насколько прочным будет «лидирующее положение Соединенных Штатов в определении и развитии этой новой концепции миропорядка, включая использование их экономической и военной мощи для поддержания этих изменений»². В современных условиях важнейшим инструментом обеспечения этого положения в мире является т.н. информационное доминирование³, т.е. обладание превосходством в разработке и использовании в политике технологий информационно-психологического воздействия на массовое сознание и процессы принятия управленческих решений.

В отношении миротворческих операций для официальной американской военной стратегии на рубеже XX - XXI веков стали характерны следующие моменты:

- сдержанный подход американской администрации к сотрудничеству с ООН в области миротворчества и подчеркивание в первую очередь значения взаимодействия с союзниками США или региональными организациями, а также двусторонних усилий по урегулированию тех или иных конфликтов;
- сдержанный подход администрации США к участию в международных миротворческих операциях: они рассматриваются в качестве одного из видов операций ограниченного масштаба по урегулированию сравнительно небольших конфликтов, при этом использование американских вооруженных сил должно быть «избирательным, ограниченным и соответствовать степени существующей угрозы», поэтому только в некоторых случаях национальным интересам США будут отвечать коллективные действия по сохранению, поддержанию и восстановлению мира:
- подчеркивание многоцелевого характера американских военных контингентов, которые должны быть готовы к одновременному проведению и миротворческих, и боевых операций;

- направленность американского миротворчества исключительно на обеспечение национальных интересов США - оно должно служить триединой задаче: укреплению безопасности США, содействию экономического процветания США, распространению демократии и обеспечению соблюдения прав человека за рубежом;
- - большое внимание уделено сравнительно мелким конфликтам (Восточный Тимор) и недостаточное внимание - усилиям по восстановлению мира в конфликтных зонах на Ближнем Востоке и Южной Азии (Афганистан, Пакистан, Индия), несущих большие потенциальные угрозы для мирового сообщества⁴.

Военные операции, проведенные США и его партнерами по НАТО против Сербии и в Ираке, показали, как правящая элита США укрепляет свое положение в мире. В последнее время силовые акции стали восприниматься не только как оправданные, но и целесообразные⁵. В США постоянная готовность к войне рассматривается как ключевой фактор, благодаря которому остальные слагаемые национальной мощи, в том числе – технологии информационно-психологического воздействия, приобретают реальную значимость в международных отношениях⁶. Многие ученые указывают, что, победив в «холодной войне», США перешли к политике «ультраколониализма»⁷, установления контроля над мировыми ресурсами. Однако, для эффективной реализации своего экспансионистского курса США потребовалось мобилизовать не только собственные силы, но и максимально использовать политические, экономические, информационные и военные ресурсы союзников. Не случайно еще в 1997 г. постоянный представитель США при ООН Б. Ричардсон отмечал: «США могут лучше всего отстаивать свои интересы и экономить деньги налогоплательщиков, используя многонациональный подход к решению

² Там же.

³ Полевые уставы армии США: FM 100-6 «Информационные операции», FM 33-1 «Психологические операции», FM 31-20 «Операционная техника специальной борьбы»; Полевой устав армии США FM33-1 «Психологические операции». - М., 1988. С. 23.

⁴ Гаврилов В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.

⁵ Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными. // США/Канада, экономика, политика, культура, 1999, N1. С. 7.

⁶ Жинкина И.Ю. «Национальная мощь» государства как инструмент американской дипломатии// США-Канада: экономика, политика, культура, 1999, N 9.С.83.

⁷ Занегин Б.Н. США в региональных конфликтах: малые войны и большая политика. //США - Канада: экономика, политика, культура. 1999, N8.

международных проблем, организуя многостороннюю поддержку американских целей»⁸. Поэтому для США укрепление союзнических отношений с европейскими партнерами по НАТО - один из основных внешнеполитических приоритетов. Некоторую тревогу у США вызывает тот факт, что Европа сегодня формирует свою собственную идентичность, пытается отстаивать собственные интересы, причем нередко - в противовес лидерству США⁹. Так, ведущие страны Европейского союза придерживаются в управлении конфликтами собственных взглядов и собственных моделей. Европейские страны - члены ЕС еще в 1992 г. определили свой интерес к управлению конфликтами, фактически сделав это стержнем своей политики в области безопасности, о чем говорят решения Петербургской конференции ЕС, на которой определились задачи и направления деятельности союза в этой сфере.

Вместе с тем, западноевропейские страны, в том числе ведущие государства Евросоюза – Франция и Германия, в возглавляемых США миротворческих операциях все же в большинстве своем проявляют тактику приспособленчества к диктуемым им со стороны Вашингтона условиям. Примеров этому много, начиная от поддержки операций в Ираке и Афганистане, успехе миссии Медведева-Саркози в Южной Осетии и заканчивая поминутно меняющимся отношением европейских стран к военной операции в Ливии. Везде европейцами в качестве исходных данных используется базовый сценарий, разработанный США, в котором европейцы пытаются найти свою нишу и пристроить свои технологии управления конфликтами, основанные на политическом маркетинге, в качестве сервиса к технологиям англосаксов. В тех случаях, когда найти такую нишу не удастся, европейцы изменяют само отношение к проблеме, формируя образ своего деятельного участия вразрез с некоторыми фактами объективной реальности. Однако этот существующий элемент ведомости европейцами остро осознается и обсуждается внутри ЕС, что является

причиной начала формирования собственной орбиты в миротворческой деятельности.

Спектр задач, решаемых США в мировой политике с помощью технологий управления конфликтами, применяющихся в рамках (и под прикрытием, идеологическим и маскирующим) миротворческих операций, необычайно широк. Наиболее важные в этом перечне – задачи формирования вокруг США нового мироустройства и миропорядка, формирование пула сторонников проводимого Вашингтоном внешнеполитического курса, консолидация их вокруг главной цели (до недавнего времени этой целью была борьба с международным терроризмом, теперь возможно будет еще какая-нибудь, повторяющая лозунг глобального противостояния очередной «оси зла») и декларируемой Соединенными Штатами борьбы за распространение демократии как концентрированного выражения общечеловеческих ценностей. Все эти задачи США успешно решают с помощью специальных операций, основанных на применении современных технологий информационно-психологического воздействия, объектами которых становятся, с одной стороны, уже состоявшиеся и только еще потенциальные союзники (психологическое воздействие на них строится с целью превращения их в послушный инструмент политического управления); с другой стороны, на массовое сознание населения стран-союзников (в этом случае психологическое воздействие строится с целью обеспечения поддержки проводимого руководством этих стран проамериканского курса).

Для реализации этих целей необходима базовая идеология, обладающая мощным убеждающим воздействием, и способная объединить усилия различных по своему характеру и составу суверенных государств в рамках исполнения одной миссии, согласованного движения к одной глобальной цели, приблизительные аналоги которых сегодня имеются только у мировых религий. Вместе с тем, эта идеология должна обладать высоким проникающим воздействием, основанном на устрашении аудитории, формировании образа глобальной угрозы, несущей опасность не только всему мировому сообществу, но и каждой личности в отдельности, и апеллирующей в продвижении в сознании этих страхов к ярким образам, актуализирующим эту угрозу и фокусирующую внимание общественности на ней. Эта идеология, проникая в массовое сознание, способна провести необычайно эффективную консолидацию общественных, политических и производительных

⁸ Отстаивание интересов США с помощью ООН. Интервью с постоянным представителем США при ООН Биллом Ричардсоном // Внешняя политика США. 1997 Том 2. №2. С.5.

⁹ Гриняев С. Об основных направлениях строительства нового миропорядка по-американски. Красная звезда, 27.09.2002 г.

сил, отчасти используя контролируруемую панику, отчасти – управление рефлексивными стремлениями найти спасение любой ценой, сплотить государства и послушно устремить их в кильватер политики США. Фактическим проявлением и подтверждением реальности существования такой угрозы нередко становится специально инициированный острый международный конфликт или кризис.

Примеров разработки Вашингтоном под конкретные политические реалии и внедрения в массовое сознание такой идеологии существует, по меньшей мере, несколько. Это, конечно, идеологическая подоплека глобального противостояния в годы «холодной войны», основанная на эксплуатации образа «оси зла» (социалистический лагерь) и «империи зла» (СССР). В новейшей истории последних десятилетий такой идеологией стала «угроза международного терроризма», признаком выхолащивания и заката которой послужила физическая ликвидация (вероятно, за ненужностью) носителя сформированного образа «террориста №1» - Усамы Бен Ладена или человека, похожего на него (что уже не установить). Теперь следует ожидать, что на смену отжившей свое идеологии, к тому же утратившей былое мощное психологическое воздействие на массы и характерное для нее обаяние и притяжение, придет новая идеология, основанная на превращении в политический миф каких-либо эпизодов движения за свободу нового формата - «арабской весны», и построенная в ключе демонизации основного идеологического и военного противника США в исламском мире – Ирана. Пока же наиболее ярким примером такой идеологии и вообще такого формата управляющего воздействия на международные конфликты и задействованные в них противоборствующие стороны является идеология «глобальной террористической угрозы» и ее бренд – образ Усамы Бен Ладена, и соответствующая ей технология формирования и продвижения в сознании людей этих образов и установок.

Технология формирования образа «международного терроризма» - это технология создания и управления образом внешнего врага, обладающая двумя основными признаками. Эти признаки - транснациональность и трансграничность. Результаты применения этой технологии оказали (и продолжают оказывать) существенное влияние на эволюцию современных политических процессов, международных конфликтов и малых войн.

Принцип транснациональности международного терроризма утверждает, что международный терроризм, по сути, не имеет национальности, а, следовательно, его базы и агенты могут находиться везде, в любой точке мира, не зависимо от уровня ее стабильности, этнического состава и религиозных взглядов населения. То есть, угроза терроризма скрыта повсюду, в виде тщательно законспирированных и трудновывявляемых сетевых структур, и надо быть готовым, что борьба даже сугубо мирные и стабильные государства могут стать театром боевых действий против угнездившихся там международных террористов. При этом эти мирные государства, естественно, обязаны на время забыть о своем суверенитете.

Принцип трансграничности состоит в утверждении, что для международного терроризма нет национальных и государственных границ, он в своей деятельности сознательно пренебрегает основами национально-государственного устройства. В силу этих причин победить (и даже просто успешно бороться) его можно только используя аналогичные методы и подходы: для миротворческих сил и сил антитеррористических коалиций государственные границы не должны быть помехой для проведения антитеррористических операций; на время указанных операций границы для сил антитеррора становятся такой же условностью, как и для самих террористов. Эта в чистом виде идеологическая установка в практике проводимых США миротворческих и антитеррористических операций в зонах международных конфликтов получила практическое закрепление в миротворческой деятельности и в итоге приобрела почти институциональный характер.

Следует отметить, что оба свойства сформированного США образа международного терроризма – транснациональность и трансграничность – дают возможность Вашингтону вмешиваться во внутренние дела практически любого государства, пренебрегая его интересами, законными правами и государственным суверенитетом там, где ему это выгодно.

Рассматривая технологическую схему формирования образа «глобальной террористической угрозы», нельзя не согласиться с А.В. Манойло в том, что технология формирования образа «международного терроризма» в целом включает в себя формирование трех основных, заметно отличающихся друг от друга образов источника междуна-

родной опасности – по одному на каждый объект психологического управления. Такими объектами в психологической операции США по формированию образа «международного терроризма» выступают правящие элиты государств, не желающих подчиняться военно-политической машине США; союзники США по НАТО и антитеррористической коалиции; наконец, население стран, вынужденных поддерживать политику США в отношении миротворчества и управления международными конфликтами, но не испытывающее восторга от этой вынужденной меры.

Так, для правящих элит государств, не желающих подчиняться военно-политической машине США, был удачно создан объект коллективной борьбы, не имеющий национальности и государственных границ, – международный терроризм, с которым необходимо вести войну на любой территории, даже если для этого требуется вторжение на территорию суверенного государства: ведь, если государство имеет на своей земле базы международных террористов, значит, оно его поддерживает; либо его сил не хватает, чтобы самостоятельно погасить очаги терроризма, – тогда ему надо помочь. Для союзников США по НАТО и иной проводимой ими деятельности по «умиротворению» современных конфликтов образ международного терроризма – хороший повод для оправдания своего участия в военных конфликтах, инициируемых США, перед гражданами собственных стран, – ведь, согласно политическому мифу о международном терроризме, они воюют не с конкретными народами и странами, а с общемировым злом, не имеющим ни национальной, ни территориальной принадлежности¹⁰. В результате применение технологий формирования образа общего врага привело к добровольному или вынужденному сплочению вокруг США как минимум, ведущих европейских стран, что, совместно с изменением под влиянием США концепции НАТО (с упором на «силовое умиротворение»), сковало свободу политической воли стран и, в конечном итоге, обеспечило их добровольную подчиняемость США. Что, как справедливо отмечает Г.В. Грачев, является главной целью любых психологических операций¹¹.

¹⁰ Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. - 2008. - №1. – С.124-128.

¹¹ Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информа-

В течение длительного времени «перемещения» штаб-квартиры Бен Ладена служили для США и их союзников, пожалуй, самым весомым и окончательным аргументом для вооруженного вторжения. Сначала это был Ирак, затем – Афганистан, затем в серьез стали обсуждаться варианты с пребыванием Бен Ладена в Иране и Северной Корее, назывались даже некоторые государства на пространстве СНГ – в Центральной Азии, с прицелом, вероятно, на российский Северный Кавказ. Не случайно в своей речи 1 июня 2002 года в академии Вест-Пойнт президент Буш заявил, что американская нация «должна раскрыть террористические ячейки в более чем 60 странах», то есть примерно на одной трети земного шара. «Мы должны перенести сражение на территорию противника, нарушить его планы и парировать самые серьезные угрозы еще прежде, чем они реально возникнут. В мире, в который мы вошли, единственный путь к безопасности – путь действия. И наша страна будет действовать»¹². Это не только еще один пример использования технологий психологического воздействия, но и важный пример тиражируемости современных психологических технологий и их принципиальной применимости к различным политическим ситуациям.

Для населения стран, вынужденных поддерживать политику США, был создан более близкий для понимания персонализированный образ международного терроризма – в лице конкретного человека, Усамы Бен Ладана, человека чуждой для европейца культурной принадлежности, несущего персональную угрозу жизни и здоровью каждого (через террористические акты, от которых вряд ли кто-нибудь может быть застрахован). Таким образом, «избиратель, голосующий за вторжение в Ирак, Афганистан, получил возможность выразить свою ненависть не по отношению к абстрактному образу международной террористической угрозы (которая не воспринимается в сознании людей как угроза персональная, лично ему, его жизни и здоровью, его семье и т.п.), а по отношению к конкретному человеку, внешний вид и поведение которого вызывает инстинктивный страх на самом бытовом уровне»¹³.

ционно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999.

¹² Красная звезда, 14.06.2002 г.

¹³ Манойло А.В. Психологические операции в современных международных конфликтах / Рос. ин-т стратегических ис-

Миф о международном терроризме в практике психологических операций США по управлению международными конфликтами был удачно дополнен новым образом, апеллирующим напрямую к укоренившимся в сознании старшего поколения архетипам периода Второй мировой и «холодной войны»: образом «оси зла», также сформированном в рамках психологической технологии формирования образа общего врага. В его формировании были тонко использованы идеологические штампы: «страны Оси» и «СССР - империя зла». В сознание многих граждан мир оказался вновь разделен на своих (сторонников политического курса США) и «зло» (всех остальных), с которым надо бороться. Образ «оси зла» обеспечил перенос исторического негатива на новые объекты, которыми стали страны, не поддерживающие курс США: Иран, Ирак и Северная Корея. При этом категория стран, способных войти в состав оси, оказалась весьма широкой, а сама «ось зла» продемонстрировала способность расширяться практически безгранично. Для того, чтобы стать кандидатом в основной состав «оси зла», оказалось достаточно возбудить в отношении себя подозрения США в сочувствии (реальному или мнимому) к международному терроризму.

Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что терроризм представляет собой новую реальную угрозу международной безопасности. В отличие от прежних террористических акций, вызванных бедностью и отчаянием, совершаемых в рамках национальных государств, современный терроризм принял поистине глобальный характер. Терроризм сегодня борется не за чье-либо счастье, национальные права, свободу и независимость, как это было ранее, а за «безнаказанность зла», установление контроля за потоками наркотиков и оружия, за контроль над ресурсами и, в конечном итоге, - за власть¹⁴. Однако, излишняя демонизация этого явления (особенно, осуществляемая в узкополитических интересах группы западных государств, монополизировавших международную борьбу с терроризмом) не менее вредна, чем его недооценка: терроризм, даже в его международных и глобальных сетевых формах, вполне уязвим. Известно, что перекрытие каналов финансирования приводит к

тому, что террористические организации, лишённые самого важного в их деятельности – внешней финансовой подпитки, прекращают свою активную деятельность и практически полностью уходят из любых регионов, какими бы благоприятными для ведения диверсионной деятельности там не были бы условия. Для уменьшения уровня террористической угрозы необходимо взяться за него с другой стороны, перекрыть финансирование (которое часто идет от самих мировых лидеров, использующих эту карту в своей политической борьбе за глобальное и региональное влияние) и обеспечить адекватное информационно-психологическое противодействие той идеологии, на которую террористы опираются при вовлечении в деятельность своих организаций новых adeptов. Особенно это касается романтизации и героизации терроризма.

В этой борьбе террористическая сеть, как новая форма транснациональной организации международной преступности, использует различные изощренные методы, в том числе – информационно-психологического воздействия. Отечественные исследователи уделяют серьезное внимание роли террористических организаций в России и на пространстве СНГ. В своих работах они подчеркивают, что действия террористов в России рассчитаны не только на нанесение материального ущерба, на создание угроз жизни и здоровью людей, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на большие массы граждан создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих политических целей. Исследователи терроризма указывают на учет террористами особенностей информационной эпохи: террористы используют глобальные СМИ, готовые освещать их деятельность, создавать «террористические сенсации», давать им соответствующий комментарий, т.е. пытаться эффективно воздействовать не только на состояния умов и настроения в стране, подвергшейся террористической атаке, но и на мировое общественное мнение¹⁵.

Вместе с тем, несмотря на богатство интерпретаций понятия и образа международного терроризма, у международного сообщества нет единого подхода, универсальной оценки терроризма как новой угрозы человечеству. Международно-правовая практика не выработала общепризнанного определения тер-

следований; под общ. ред. П.В. Гребенникова. – М.: РИСИ, 2009. – 20 с. – (Аналитические обзоры РИСИ; №2 (23)).

¹⁴ Панарин И.Н., Информационная война и геополитика. М.: 2006.

¹⁵ Рыбаков Р.Б. (ред.). Терроризм – угроза человечеству в XXI веке, М.2003, С.17.

роризма, хотя квалификация террористического акта принята в законодательстве отдельных стран, в том числе и в России. Серьезным препятствием на пути формирования международным сообществом единой позиции в отношении к терроризму является практика «двойных стандартов», когда политические соображения доминируют над объективностью¹⁶.

Следует также отметить, что в официальных нормативных документах блока НАТО и соответствующих военных документах (боевых уставах) его лидеров – США и Великобритании утверждается, что современная доктрина миротворчества развивается весьма динамично, некоторые ее принципы еще не прошли проверку практикой и возможно потребуют пересмотра в ближайшие годы. Таким образом, в нормативных военных документах США и Великобритании происходит смешение и частичная подмена понятий «поддержание мира» и «принуждение к миру». Это, по мнению известного отечественного исследователя В. Гаврилова, в определенном смысле является нарушением Устава ООН и затрудняет правильный выбор оперативно-тактических способов и методов проведения конкретной операции; несет известные трудности для мирного урегулирования международных конфликтов; может привести к серьезным осложнениям ситуации вокруг международного конфликта на стратегическом уровне (например, миротворческая операция в Восточном Тиморе, которая считается успешной, серьезно осложнила отношения между Индонезией и Австралией). Такое смешивание понятий делается в угоду широко распространившемуся в последнее время на Западе мнению, что согласие правительства или любых других конфликтующих сторон не является обязательным для проведения миротворческих операций¹⁷.

Реализация данного подхода к миротворчеству ставит под сомнение традиционно сложившиеся принципы обеспечения международной безопасности. Такой подход на сегодняшний день вылился не только в дискуссию о праве на «законное вме-

шательство» во внутренние дела государств для урегулирования конфликтов, но и в конкретные силовые действия НАТО против Югославии в Косово. По мнению специалистов, эти действия не только не решили проблемы конфликта между правительством Югославии и косовскими албанцами, но загнали их вглубь¹⁸. При этом в свете усиления борьбы мирового сообщества с международным терроризмом действия НАТО в Югославии подвергаются обоснованной критике.

Все же, переориентировав собственную миротворческую деятельность на управление международными конфликтами, США по-прежнему предпочитают использовать в «горячих точках» ресурсы и потенциал своих союзников, в первую очередь, по трансатлантическому блоку. В последнее время под нажимом Вашингтона руководство стран, входящих в НАТО, провели колоссальную работу по реформатированию основополагающих концепций и доктрин блока под ведение миротворческой деятельности. Прежде таким правом НАТО не обладал; его миссия сводилась к обороне стран-участников от возможной агрессии со стороны стран социалистического лагеря и участие в глобальном противостоянии. Теперь же НАТО получил законное право вмешиваться в локальные вооруженные конфликты в качестве миротворца; начался процесс оформления НАТО как нового международного института, призванного международным сообществом наравне с ООН регулировать политические отношения в зонах международных конфликтов, предлагая при этом свои форматы и процедуры их урегулирования и разрешения. Тем самым происходит несколько процессов: вытеснение традиционных институтов (ООН) миротворчества с главных ролей и замещение их вновь образованными (или получившими новое качество и звучание); проникновение (с последующей легитимизацией) в международную практику новых форм, процедур и технологий миротворческой деятельности, ориентированных на узкие интересы группы стран-союзников США и подменяющих содержание миротворчества как деятельности по разрешению конфликтов на близкие по звучанию, но ориентированные в англосаксонской идеологии категории управления международными конфликтами, ориентированные в первую очередь на получение преимуществ в новом глобальном противостоянии цивилизаций и сверхдержав.

¹⁶ Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутривнутриполитических конфликтов. / А.В. Манойло // Федерализм. - 2008. - №3. - С. 159-172.

¹⁷ Гаврилов В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.

¹⁸ Там же.

Важнейшим нововведением 1990-х годов в области антикризисного реагирования НАТО и управления международными конфликтами с его участием стало введение в теорию и практику деятельности альянса американской концепции гражданско-военного взаимодействия (Civil-Military Cooperation - CIMIC), впервые опробованной НАТО в Боснии. В рамках этой концепции ряд специальных служб и структур НАТО был полностью переориентирован на осуществление функций взаимодействия с «гражданскими» организациями в области реализации гражданских (невоенных) аспектов мирного соглашения. В структуре НАТО создан специальный «Центр гражданско-военного сотрудничества» (ЦГВС), который осуществляет поддержку деятельности различных межгосударственных и неправительственных организаций, занимающихся проблемами беженцев, гуманитарной помощью, восстановлением местных административных органов, разрушенной экономики и т.п. (стоит отметить, что только в Боснии на момент начала развертывания контингента НАТО действовало 530 таких организаций)¹⁹. При этом, вся концепция гражданско-военного взаимодействия НАТО подчинена, прежде всего, решению военных задач: в нормативных документах НАТО «гражданско-военное сотрудничество» определяется как «военная операция, основной задачей которой является поддержка гражданских властей, населения, международных и правительственных организаций, которая будет способствовать выполнению военной задачи»²⁰. Сами же технологии «гражданско-военного сотрудничества» строятся как технологии информационно-психологического воздействия и управления сознанием гражданского населения и различных общественных объединений, обеспечивая их добровольную подчиняемость деятельности альянса на территории их собственных стран²¹.

В Стратегической концепции НАТО, принятой на совещании альянса еще в марте 1999 г., особенно

четко просматриваются стоящие перед альянсом проблемы в области парирования угроз, связанных с региональными этнополитическими конфликтами. Так, в стратегических документах НАТО декларируется принципиальная универсальность военных операций при проведении миротворческой деятельности. Согласно положениям этой концепции, для успешного предотвращения конфликтов и реагирования на кризисы годятся те же военно-политические ресурсы и возможности, что и для обеспечения «коллективной обороны»²². Таким образом, в концепции прямо указывается на то, что в дальнейшем НАТО будет ориентироваться на управление международными конфликтами, используя для этого технологии антикризисного управления, основу которых сегодня составляют технологии информационно-психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание населения, как в зонах конфликтов, так и вне их, а также – на мировую общественность в целом. Таким образом, использование технологий управления международными конфликтами нашло в основополагающих документах альянса доктринальное закрепление, причем использование психологических технологий кризисного управления, поддерживаемых различными сервисными функциями – например, локальными военными акциями – признано в концепции приоритетным инструментом политического управления современными конфликтами. Авторы концепции отказываются классифицировать имеющиеся в распоряжении альянса силы в соответствии с поставленными перед ними задачами (коллективная оборона, с одной стороны, или антикризисные и миротворческие операции, с другой), подразделяя формирование НАТО лишь в зависимости от степени их боеготовности и мобильности²³. Это полностью соответствует взятому альянсом курсу на отрицание принципиального различия между полномасштабными военными действиями и «операциями невоенного типа» (миротворческими и иными специальными психологическими операциями) и на объединение «солдата и миротворца в одном лице»

¹⁹ Phillips W.R. Civil-Military Cooperation: Vital to Peace Implementation in Bosnia // NATO Review. 1998. Vol. 46. №1. pp. 22-25.

²⁰ NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].

²¹ Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.: ил.

²² NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].

²³ The Alliance's New Strategic Concept. Agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Rome on Nov. 7-8, 1991 // NATO Review. - 1991. - Dec. - Vol. 39. # 6.

(наиболее ярким выражением этого курса является концепция международных оперативных сил).

Новая внешнеполитическая стратегия НАТО, демонстрирующая отказ от традиционного миротворчества в пользу силового умиротворения, состоит в попытке противостоять угрозам, связанным со сложнейшими этнополитическими конфликтами, методами «кризисного реагирования» (являющихся адаптированной разновидностью психологических технологий управления международными конфликтами), использование которых в зонах международных конфликтов в целом повышает риск скатывания конфликта в неуправляемую стадию, в состояние «войны всех против всех»:

- прямое перенесение чисто военных методов «убеждения» противника в миротворческую деятельность всегда ведет к обострению противоречий, породивших конфликт, и делает затруднительным организацию переговорного процесса в любой его форме;
- практика силового подавления оппонентов в конфликте часто ведет к тому, что конфликт уходит на более глубокие уровни, приобретая этнополитические черты, характер межконфессионального противостояния или столкновения цивилизаций;
- применяемые военным руководством НАТО современные технологии управления конфликтами, основанные на управлении массовым сознанием, в целом дают положительный эффект; однако, в случае, если что-то начинает идти не так, в практике НАТО широко распространена тенденция прикрывать свои просчеты в сфере применения высоких психологических технологий теми же методами военного подавления противника: если противник в результате

применения натовских технологий внешнего психологического управления начинает вести себя не так, как предполагалось, его попросту подавляют военными методами, не особо стремясь при этом разобраться, что же в управлении конфликтом было сделано неверно, и какие именно просчеты в применении технологий психологического воздействия были допущены.

В заключение, хотелось бы отметить, что, несмотря на отдельные успехи, большинство акторов не считают убедительной американоцентричную модель управления международными конфликтами, базирующуюся на привлекательности американских ценностей. Американский вариант мироустройства не доказал своей способности гарантировать стабильность мировой системы, не вызывая роста системной угрозы для ее существования. Примером такой угрозы может служить война в Южной Осетии в августе 2008 г. Диктатура американских ценностей и методов генерирует потенциал нового раскола, получает развитие практика планируемых и организуемых конфликтов. В международных отношениях все более укореняется и распространяется практика силового принуждения и государственного шантажа.

Обеспокоенность неудачами американской деятельности порождает в Америке идеи о необходимости для США «разумно уступить», отказаться от непримиримости в распространении демократии. Начинает признаваться факт, что глобальная стратегия США, в основе которой лежат либеральные идеи, это не стратегия мира, а стратегия конфликта. Выход видится в возврате к реализму, свободному от идеологической нетерпимости и позволяющему другим центрам силы участвовать в строительстве нового мирового порядка вместе с США.

Библиография:

1. GLOBAL TRENDS 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts (http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2015.html)
2. Полевые уставы армии США: FM 100-6 «Информационные операции», FM 33-1 «Психологические операции», FM 31-20 «Операционная техника специальной борьбы»; Полевой устав армии США FM33-1 «Психологические операции». - М., 1988. С. 23.
3. Гаврилов В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.
4. Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными. // США/Канада, экономика, политика, культура, 1999, N1. С. 7.
5. Жинкина И.Ю. «Национальная мощь» государства как инструмент американской дипломатии// США-Канада: экономика, политика, культура, 1999, N 9.С.83.
6. Занегин Б.Н. США в региональных конфликтах: малые войны и большая политика. //США - Канада: экономика, политика, культура. 1999, N8.
7. Отстаивание интересов США с помощью ООН. Интервью с постоянным представителем США при ООН Биллом Ричардсоном // Внешняя политика США. 1997 Том 2. №2.С.5.
8. Гриняев С. Об основных направлениях строительства нового миропорядка по-американски. Красная звезда, 27.09.2002 г.
9. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. -2008. - №1. – С.124-128.
10. Грачев Г.В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999.
11. Красная звезда, 14.06.2002 г.
12. Манойло А.В. Психологические операции в современных международных конфликтах / Рос. ин-т стратегических исследований; под общ. ред. П.В. Гребенникова. – М.: РИСИ, 2009. – 20 с. – (Аналитические обзоры РИСИ; №2 (23)).
13. Панарин И.Н., Информационная война и геополитика. М.: 2006.
14. Рыбаков Р.Б. (ред.). Терроризм – угроза человечеству в XXI веке, М.2003, С.17.
15. Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутриполитических конфликтов. / А.В. Манойло // Федерализм. -2008. - №3. – С. 159-172.
16. Гаврилов В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.
17. Phillips W.R. Civil-Military Cooperation: Vital to Peace Implementation in Bosnia // NATO Review.1998. Vol. 46.№1. pp. 22-25.
18. NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].
19. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.: ил.
20. NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].
21. The Alliance's New Strategic Concept. Agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Rome on Nov. 7-8, 1991 // NATO Review.- 1991. - Dec. - Vol. 39. # 6.

References (transliteration):

1. GLOBAL TRENDS 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts (http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2015.html)
2. Poleyve ustavy armii SShA: FM 100-6 «Informatsionnye operatsii», FM 33-1 «Psikhologicheskie operatsii», FM 31-20 «Operatsionnaya tekhnika spetsial'noy bor'by»; Poleyvoy ustav armii SShA FM33-1 «Psikhologicheskie operatsii». - M., 1988. S. 23.
3. Gavrilov V. Evolyutsiya vzglyadov ekspertov SShA i Velikobritanii na provedenie mirotvorcheskikh operatsiy. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.
4. Kremenyuk V.A. SShA i okruzhayushchiy mir: uravnenie so mnogimi neizvestnymi. // SShA/Kanada, ekonomika, politika, kul'tura, 1999, N1. S. 7.

5. Zhinkina I.Yu. «Natsional'naya moshch'» gosudarstva kak instrument amerikanskoy diplomatii// SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 1999, N 9.S.83.
6. Zanegin B.N. SShA v regional'nykh konfliktakh: malye voyny i bol'shaya politika. //SShA - Kanada: ekonomika, polshika, kul'tura. 1999, N8.
7. Otstaivanie interesov SShA s pomoshch'yu OON. Interv'yu s postoyannym predstavitelem SShA pri OON Billom Richardsonom // Vneshnyaya politika SShA. 1997 Tom 2. №2.S.5.
8. Grinyaev S. Ob osnovnykh napravleniyakh stroitel'stva novogo miroporyadka po-amerikanski. Krasnaya zvezda, 27.09.2002 g.
9. Manoylo A.V. Psikhologicheskie operatsii SShA v Irake. // Kosmopolis. -2008. - №1. – S.124-128.
10. Grachev Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya. M.: IF RAN, 1999.
11. Krasnaya zvezda, 14.06.2002 g.
12. Manoylo A.V. Psikhologicheskie operatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh konfliktakh / Ros. in-t strategicheskikh issledovaniy; pod obshch. red. P.V. Grebennikova. – M.: RISI, 2009. – 20 s. – (Analiticheskie obzory RISI; №2 (23)).
13. Panarin I.N., Informatsionnaya voyna i geopolitika. M.: 2006.
14. Rybakov R.B. (red.). Terrorizm – ugroza chelovechestvu v XXI veke, M.2003, S.17.
15. Manoylo A.V. Modeli informatsionnogo vozdeystviya na razreshenie mezhdunarodnykh i vnutripoliticheskikh konfliktov. / A.V. Manoylo // Federalizm. -2008. - №3. – S. 159-172.
16. Gavrilov V. Evolyutsiya vzglyadov ekspertov SShA i Velikobritanii na provedenie mirotvorcheskikh operatsiy. Pentagonus.ru/publ/19-1-0-27.
17. Phillips W.R. Civil-Military Cooperation: Vital to Peace Implementation in Bosnia // NATO Review.1998. Vol. 46.№1. rr. 22-25.
18. NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].
19. Manoylo A.V. Tekhnologii nesilovogo razresheniya sovremennykh konfliktov. / A.V. Manoylo; pod red. prof. A.I. Petrenko. – M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2008. – 392 s.: il.
20. NATO Civil-Military Coordination (CIMIC) Doctrine AJP-09 [draft].
21. The Alliance's New Strategic Concept. Agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Rome on Nov. 7-8, 1991 // NATO Review.- 1991. - Dec. - Vol. 39. # 6.